

УДК-32:502(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-1-16-24

ПУБЛИЧНАЯ ДИСКУССИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ (2000–2023)

В. А. Логинов

Логинов Вячеслав Антонович, аспирант, младший научный сотрудник кафедры политических наук историко-политологического факультета,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
E-mail: va.loginov1@gmail.com (ORCID: 0009-0002-8754-3405).

Аннотация

Исследуется динамика экологического законоотворчества в Российской Федерации за последние двадцать пять лет. На основе корреляционного и регрессионного анализа, а также методов качественной кодировки доказываем, что рост законодательной активности носит реактивный характер. Работа демонстрирует, как парламентская деятельность может выступать механизмом символического реагирования на медийные волны и протестные настроения, зачастую заменяя действенные институциональные реформы символическими для управления общественными ожиданиями. Результаты показывают, что наиболее существенное влияние на динамику законодательных инициатив оказывает информационная насыщенность: рост числа новостей по теме экологии статистически значимо ассоциирован с увеличением числа экологических законопроектов, определенных как символические. Кроме того, обнаружена значимая временная тенденция: по мере развития информационного пространства и законодательного процесса в течение исследуемого периода наблюдается устойчивый рост числа инициатив. Полученные выводы подчеркивают важность публичного внимания и информационной поддержки для формирования экологической повестки в законоотворчестве, а также позволяют проводить дальнейшие исследования механизмов влияния масс-медиа на законодательную активность в сфере экологии.

Ключевые слова: символическое законодательство; проблемно-ориентированное законодательство; экологическое законодательство; Государственная Дума; медиаповестка; парламентаризм, экологическая политика.

Введение

В течение последних двадцати пяти лет экологические вопросы являлись одним из критических маркеров общественно-политической динамики в России (Lukin, 2021). С 2000 г. сфера природоохранного законоотворчества стала своеобразным индикатором конфликтов между гражданским обществом, органами власти и бизнес-сообществом (Yakovlev, 2019). В разное время масштабные природные и техногенные чрезвычайные ситуации, а также протестные волны, такие как события вокруг полигона Шиес или пожары в Сибири, инициировали резкий скачок медийной активности и общественной тревоги (Трубина, 2020). В данной статье ставится задача исследовать, в какой степени количественное увеличение инициатив отражает преобразующую роль публичной дискуссии, а в какой – является стратегией риторического PR-управления ожиданиями общества (Kingdon, 1995).

Целью настоящего исследования является анализ взаимосвязи между публичной дискуссией об экологии и законоотворческой активностью в этой сфере. Центральное внимание уделяется механизму символической политики – стратегии, при которой политические элиты демонстрируют отзывчивость на общественные запросы без реального изменения политической траектории. Данная статья призвана заполнить пробелы в понимании того, как медийный резонанс и общественное мнение трансформируются в законодательные инициативы в условиях консолидированного политического режима. В отличие от исследований, фокусирующихся на прямом влиянии гражданского общества на законоотворчество, мы исследуем опосредованное влияние через медийную среду и механизмы «символического» реагирования власти на уровне законодательной ветви.

Теоретическая рамка исследования: символическая политика и медиаповестка

Исследование опирается на концепты символической политики и PR-логики (Edelman, 1964, 1985; Schedler, 2002), институционализма, а также теорию формирования повестки и смысловых рамок новостей (McCombs, Shaw, 1972; Boydston, 2013). Российский кейс рассматривается как пример реагирования режима на общественное давление через волны законотворческой риторики (Remington, 2008; Golosov, 2013), где количественное воспроизводство реформ может не всегда быть связано с их качеством и воздействием.

В современной практике парламентские инициативы часто приобретают символический характер, что подтверждено эмпирическими исследованиями (Турцева, 2025; Михеев, 2025). Согласно концепции символического законодательства, успех или провал законопроекта определяется не только институциональными барьерами, но и восприятием инициативы субъектами законодательства – как проблемно-ориентированной или символической (Schedler, 2002).

Теоретическая конструкция, лежащая в основе данного исследования, строится на пересечении концептов символической политики, теории формирования повестки (agenda-setting), институционального анализа и современных представлений о логике публичной легитимации. Такой междисциплинарный синтез позволяет не только объяснить специфику российской модели экологического законотворчества, но и выявить глубинные структурные механизмы, формирующие связи между властью, обществом и медийным пространством.

Понятие символической политики занимает центральное место в анализе. В классических работах Мюррея Эдельмана (Edelman, 1964, 1985) символическая политика трактуется как система управляемых ритуалов власти, задачей которых является не столько институциональная трансформация, сколько поддержание гегемонии через демонстративную реакцию на запросы общества. Эффект «управляемой легитимности», возникающий в результате таких практик, обладает длительным кумулятивным воздействием: он стабилизирует политическую систему путем канализации недовольства и профилактики радикализации настроений.

Для российской системы этот тип символического реагирования оказывается особенно устойчивым. Он воспроизводится на институционально-дискурсивном уровне через непрерывную генерацию декларативных законопроектов; становится инструментом оправданной неэффективности: сама логика политики как публичного действия вытесняет политику как сферу реальных преобразований; позволяет строить «гибридные мосты» между режимной стабильностью и модернизационным давлением извне и изнутри (Schedler, 2002).

Политики используют риторику, законопроекты и другие публичные действия как сигналы, подтверждающие внимание к проблеме, но не предполагающие существенных институциональных изменений. Эта модель широко применяется в исследованиях американской и европейской экологической политики (Pralle, 2009) и показывает свою релевантность для авторитарных и гибридных режимов (Schedler, 2002). В контексте России символическая политика позволяет объяснить, почему формальная активность в сфере экологического законотворчества может не приводить к системным изменениям, а служить для управления общественным мнением и демонстрации легитимности власти. Автор исходит из гипотезы, что законопроекты, направленные на демонстрацию реакции, будут превалировать в периоды повышенного медийного и общественного внимания. Операционализация «символического» законопроекта будет основываться на таких критериях, как: декларативный характер, отсутствие четких механизмов реализации, дублирование уже существующих норм, отсутствие финансового или кадрового обеспечения, а также низкий процент прохождения через законодательный процесс. «Проблемно-ориентированные» законопроекты, напротив, будут характеризоваться конкретными механизмами, ресурсным обеспечением и нацеленностью на реальное решение выявленных экологических проблем (Турцева, 2025).

Теория формирования повестки (agenda-setting) и ее производные (фрейминг, прайминг) в работах (McCombs, Shaw, 1972; Boydston, 2013) позволяют объяснить, как именно медиаполе становится пространством структурирования не только общественного интереса, но и парламентского действия. В российском контексте, где СМИ зачастую функционируют как полуавтономные каналы передачи легитимных «сигналов», повестка становится арбитром поля допустимого политического обсуждения. Медиазависимое законотворчество – это следствие не только модернизации коммуникационных технологий, но и адаптации властных стратегий к возможностям быстрой обратной связи и управляемой эскалации или деэскалации гражданских настроений.

Особое место занимает анализ дуализма отражения и конструирования: средства массовой информации не просто фиксируют резонанс, а задают траектории осмысливаемого дискурса, определяя тем самым логику ответа с институциональной стороны – от репертуаров допустимых инициатив до тематики «разрешенных» реформ.

Исторический институционализм наделяет структуру политических процессов качеством «следовой зависимости»: каждый виток реакции системы на гражданские и медийные сигналы накладывает ограничения на последующее развитие. Российская связка между парламентом и исполнительной властью означает, что даже при наличии выраженного общественного запроса процесс фильтруется через многоуровневую систему фракционных, бюрократических, процедурных и ресурсных ограничений (Remington, 2008; Golosov, 2013).

Критически важно, что институционализм дает инструментарий не только для описания инерции и барьеров, но и для диагностики «окна возможностей» – периодов, в которые коррупция, протестная мобилизация или экстернальные шоки (катастрофы, международное давление) могут на время размывать рутинные фильтры. Однако зачастую такие окна используются исключительно для легитимации текущего порядка посредством ритуального законотворчества.

Основной вклад предложенной теоретической рамки состоит в ее отказе от редукции к одному объяснительному механизму: символическая политика отвечает на вопрос, почему система реагирует только поверхностно; теория повестки – когда и на что приходится пик общественно-парламентской коммуникации; институционализм – как устроены фильтрация и отбор в законотворческом процессе.

Сложившийся в России дуализм ритуала и символа позволяет объяснять, почему внешне «прогрессивная» законодательная динамика в действительности может оказываться инструментом воспроизводства статус-кво, а реальные институциональные инновации возможны только при резонансном сочетании внешних и внутренних факторов.

Интеграция концептов символической политики, формирования повестки, институционального анализа и легитимности позволяет рассматривать российское экологическое законотворчество как сложный адаптивный механизм, реагирующий на общественное давление преимущественно в пределах допускаемой ритуализации. Для дальнейшего развития поля необходимы исследования механизмов прорыва и преодоления структурных ловушек, смещающих баланс в пользу инструментальных, а не показных преобразований.

Ключевой гипотезой выступает тезис о том, что пики публичного внимания и массовой обеспокоенности (как медиализованные катастрофы, так и протестными волнами) вызывают интенсивный, но преимущественно символический рост законодательных инициатив. Этот рост не приводит к институциональному сдвигу, а реализует модель управляемого реагирования: легитимизация власти достигается через производство быстрой откликабельности системы (feedback-ритуал), а не фактическую переработку норм и процедур (Edelman, 1985; Schedler, 2002). Такая гипотеза интегрируется в более широкую традицию исследований политики управления ожиданиями и ритуализации реакций (Edelman, 1964).

Пики медиавнимания и обеспокоенности стимулируют преимущественно символические инициативы: быстрые, декларативные (Edelman, 1964; Schedler, 2002; Boydston, 2013). В совокупности ожидается регистрация устойчивой связи между медиапотоками и законодательной активностью, но отсутствие такой связи между медиавсплесками и изменением качества законопроектов. Логика обработки общественного сигнала в парламенте будет носить циклически-реактивный характер: инициирование «медийной волной», институциональная фильтрация, спад.

Методология и операционализация данных

Исследование построено на сочетании количественных и качественных методов. В основу эмпирики легли данные федеральных баз законопроектов (duma.gov.ru), тематические отчеты экологических НКО, агрегаторы медийных публикаций (Google Trends¹, Дзен.Новости²), а также авторские базы данных.

Отбор экологических законопроектов осуществлялся поэтапно и сочетал формальные юридические критерии с содержательной кодировкой, что позволяет воспроизводимо отделить экологическую повестку от сопутствующих и пограничных тем. В качестве исходной базы использовались официальные электронные ресурсы Государственной Думы и Совета Федерации, где отбирались все федеральные законопроекты, зарегистрированные в 2000–2023 гг. и содержащие в названии,

¹ Google Trends [online]. Available at: <https://trends.google.com/trends/> (accessed: 10.09.2025).

² Дзен. Новости [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/news?utm_referrer=www.google.com (дата обращения: 10.09.2025).

пояснительной записке или предметной области прямые отсылки к охране окружающей среды, природопользованию, обращению с отходами, климатической и ресурсной политике. На первом шаге формировался широкий корпус инициатив по ключевым семантическим маркерам (термины, связанные с экологией, отходами, природными ресурсами, загрязнением, экологической безопасностью).

Экологические законопроекты были операционализированы как все федеральные законопроекты по ключевым природоохранным вопросам, очищенные от дублей и повторных редакций. Бинарная оценка «символичности» инициатив осуществлялась двумя независимыми кодировщиками: «1» – декларативные инициативы; «0» – проблемно-решающие. Распределение осуществлялось на основе критериев наличия или отсутствия инструментальных механизмов реализации, четких норм ответственности, ресурсного обеспечения, степени новизны регулирования и т.д. (Турцева, 2025). Таким образом, с помощью анализа законопроектов инициативы были распределены относительно наличия в законопроекте механизмов для реализации новых институциональных норм, наличия или отсутствия конфликтов между группами интересов, четкости формулировок законопроекта, которые определяют порядок его исполнения. В результате отбора общий пул законопроектов по теме экологии с 2000 по 2023 г. (1128 ед.) был разделен на две группы: символические (320 ед.) и проблемно-ориентированные (808 ед.). Данные представлены в табл. 1, а распределение проблемно-ориентированных и символических законопроектов – на рис. 1.

Таблица 1

Распределение медиа-активности и количества законодательных инициатив 2000-2023 гг.

Год	Количество новостей по теме экологии (A)	Общее количество законопроектов (C)	Количество экологических законопроектов (D)	Количество символических законопроектов (B)	Количество проблемно-ориентированных законопроектов (E)
2000	45,86	989	22	5	17
2001	63,92	1055	20	4	16
2002	73,65	1119	19	7	12
2003	107,16	1163	16	6	10
2004	99,04	958	17	7	10
2005	109,5	1225	65	9	56
2006	127,34	1249	44	11	33
2007	120,26	1376	46	12	34
2008	131,21	1204	72	14	58
2009	92,26	1130	56	15	41
2010	109,63	1054	58	12	46
2011	111,05	1003	65	14	51
2012	121,58	1207	83	19	64
2013	209,63	1524	70	17	53
2014	185,49	1691	82	20	62
2015	124,08	1588	86	23	63
2016	164,2	1490	46	18	28
2017	254,29	1206	11	6	5
2018	212,30	1166	21	6	15
2019	278,89	1133	27	12	15
2020	247,63	1106	27	19	8
2021	289,43	979	52	24	28
2022	196,77	1214	69	21	48
2023	172,39	1146	54	19	35

Публикационная активность определялась по количеству текстов, включающих релевантные ключевые слова, агрегированных из крупнейших отечественных поисковиков через системы «Медиа-логия»,³ «Интегрум»⁴. Корпус медийных публикаций формировался из общего массива новостей об экологии из российских федеральных и региональных СМИ, с опорой на единые поисковые запросы и формализованные критерии включения. Для подбора были заданы ключевые слова и словосочетания, отражающие экологическую проблематику (охрана окружающей среды, отходы и ТКО, мусорные полигоны, загрязнение, выбросы, климат, экологическая катастрофа и т.п.), после чего по этим запросам извлекались материалы из новостных лент. Использовались одновременно несколько источников, при этом в корпус включались только оригинальные тексты (без телепрограмм, дублей, автоматических перепечаток и кратких анонсов).

Рис. 1. Распределение проблемно-ориентированных и символических законопроектов

Агрегированные данные о парламентских инициативах в сфере экологии за 2000–2023 гг. демонстрируют переход от точечной законотворческой активности к фазе институционализированных волн, в рамках которых количественный рост сопровождается усложнением баланса между символическими и проблемно-ориентированными законопроектами. В первой половине 2000-х гг. общий уровень законотворчества по экологической тематике остается умеренным (16–22 инициативы в год), причем проблемно-ориентированные проекты стабильно преобладают над символическими (в среднем 10–17 против 4–7), что позволяет говорить о преобладании скорее инструментальной логики реагирования на экологические вызовы. Начиная с 2005 г. фиксируется сдвиг: число инициатив скачкообразно возрастает (65 в 2005 г., 72 в 2008 г., 83–86 в 2012–2015 гг.), причем рост затрагивает одновременно оба типа законопроектов, хотя проблемно-ориентированные по-прежнему формируют основную массу (до 56–64 в год), а символические – меньшинство, но с устойчивой тенденцией к увеличению (от 9–14 в середине 2000-х гг. до 19–23 к 2012–2015 гг.).

Во второй половине наблюдаемого периода структура ряда становится более фрагментированной: после 2015 г. происходит заметное сокращение общего числа инициатив (46 в 2016 г., 11–27 в 2017–2020 гг.), но одновременно меняется их внутренняя композиция – доля символических законопроектов в ряде лет вплотную приближается к половине и более общего массива (например, 19 из 27 инициатив в 2020 г.), тогда как проблемно-ориентированный компонент демонстрирует волатильность и в кризисные годы сокращается до однозначных значений (8–15). В 2021–2023 гг. наблюдается частичный возврат к повышенной активности (52–69 инициатив в год), сопровождающийся восстановлением проблемно-ориентированного блока (28–48 законопроектов) на фоне рекордных значений символических инициатив (24–21), что эмпирически поддерживает тезис о закреплении символической

³ Система «Медиалогия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 14.09.2025).

⁴ Система «Интегрум» [Электронный ресурс]. URL: <https://sso.integrum.ru/> (дата обращения: 14.09.2025).

составляющей как неотъемлемого элемента экологического законодательства. В совокупности представленные данные фиксируют не только рост объемов экологического законодательства по сравнению с началом 2000-х, но и постепенное нарастание веса символических инициатив в его структуре, что укладывается в концепцию символического реагирования на усложняющуюся экологическую и политическую повестку.

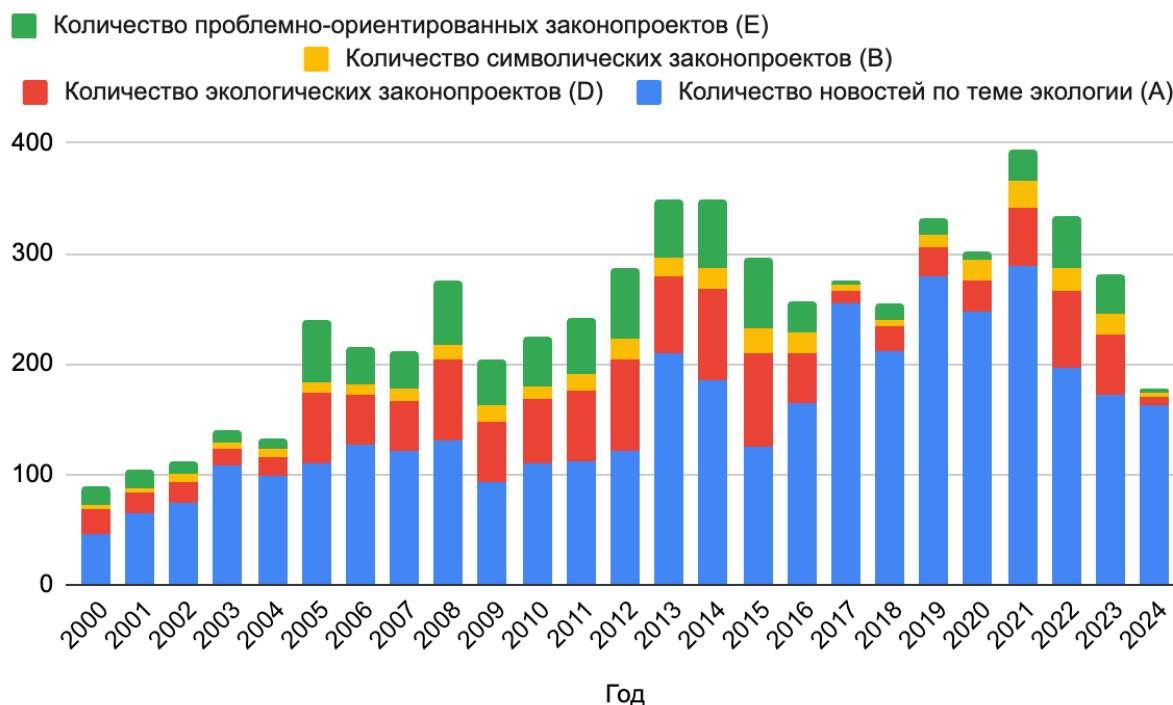

Рис. 2. Распределение пиков медийной и законодательской активности

Статистический анализ

Для выявления связи между переменными были построены три регрессионные модели. Первая модель связывает переменные *B* (внесенные/рассмотренные символические экозаконопроекты) и *A* (количество новостей по теме экологии). Вторая и третья модели – множественные, которые учитывают влияние трех независимых переменных: количество новостей по теме экологии (*A*), общее количество законопроектов (*C*) и общее количество экологических законопроектов, символические и проблемно-ориентированные вместе (*D*). Во второй модели зависимой переменной выступает количество символических законодательных инициатив. В третьей модели зависимая переменная – это количество проблемно-ориентированных законопроектов.

Рост рассмотрения экологических законопроектов линейно связан с количеством новостей по экологии. Таким образом, переменная *A* является значимым и позитивным предиктором переменной *B*, а простая линейная модель описывает более половины наблюдаемой вариации *B*.

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2.

Для второй модели при увеличении количества новостей по теме экологии на 1 условную единицу (сто публикаций) ожидаемое значение числа символических законопроектов возрастает примерно на 0,04 единицы при отсутствии изменений других переменных. Это подтверждает значимый вклад информационной повестки. Модель объясняет около 75 % вариаций, что для 23 наблюдений и трех предикторов является высоким значением. Остатки близки к нормальным. Число символических инициатив растет в те годы, когда одновременно усиливается проблемная медийная повестка и увеличивается число специализированных экологических инициатив, тогда как простое расширение общего законопроектного «потока» на это почти не влияет.

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Номер модели		
	1	2	3
Количество новостей по теме экологии (<i>A</i>)	0,039*** (0,017) (2,266)	0,0403*** (0,0103) (3,913)	-0,0403*** (0,0103) (-3,913)
Общее количество законопроектов (<i>C</i>)	–	-0,0014* (0,0043) (-0,321)	0,0014* (0,0043) (0,321)
Количество экологических законопроектов (<i>D</i>)	–	0,1963*** (0,0339) (5,787)	0,8037*** (0,0339) (23,700)
Constant	7,383	-0,369	0,369
<i>N</i>	23	23	23
<i>R</i> ²	0,189	0,747	0,976
Adj. <i>R</i> ²	0,152	0,709	0,972

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В первой строке представлены регрессионные коэффициенты; во второй в скобках – стандартные ошибки; в третьей – *t*-статистика.

Вторая множественная регрессионная модель учитывала влияние переменных *A* (количество новостей по теме экологии), *C* (общее количество законопроектов), *D* (общее количество законопроектов по теме экологии) на зависимую переменную *E* (количество проблемно-ориентированных законопроектов). Это позволяет дополнительно проверить значимость динамики новостной повестки на внесение символических инициатив в парламент. Представляется важным, что эта модель объясняет практически всю вариацию ($R^2 = 0,976$), что обусловлено связанностью общего числа законопроектов по теме экологии с количеством символических и проблемно-ориентированных инициатив. При этом количество новостей по теме экологии – значимый отрицательный предиктор. При росте медиапеременной на 1 единицу число проблемно-ориентированных законопроектов снижается примерно на 0,04. Высокий R^2 указывает на возможную мультиколлинеарность (ожидаемо, так как *A*, *C* и *D*, по сути, части одного временного процесса).

Таким образом, анализ экоканоотворчества России (2000–2023 гг.) свидетельствует о том, что количественный рост символических инициатив в ответ на общественное давление является статистически значимым. При этом большая часть законопроектов носит проблемно-ориентированный характер, анализ осуществлялся на основе текстов законопроектов. Это открывает возможности для продолжения исследований по теме для углубления понимания законотворческих процессов и их связи с символической политикой.

Проведенное исследование позволяет по-новому взглянуть на политико-институциональные механизмы, формирующие экологическую повестку в современной России. Выявленный феномен символического законотворчества, где численный рост инициатив не всегда приводит к устойчивым институциональным преобразованиям, свидетельствует о действии глубинных паттернов публичной политики, характерных для государств с консолидированными политическими режимами (Edelman, 1985; Schedler, 2002).

В российском кейсе общественная дискуссия и медийные волны оказывают значимое влияние на формирование законодательной повестки. Средства массовой информации выступают не только катализатором внимания, но и инструментом управляемой легитимации существующих политических моделей, где публичный резонанс конвертируется в символический ответ парламентских институтов (McCombs, Shaw, 1972; Boydston, 2013). Эта схема свидетельствует о сложившемся балансе между запросом общества на перемены и способностью политического режима актуализировать реформы в формате ритуальной реакции.

Примером могут служить законопроекты, внесенные в парламент после общественных волнений вокруг мусорной реформы и строительства мусорного полигона в Шиесе в 2018–2020 гг. Общественные протесты против полигонов усилили политическое давление на корректировку законодательства об отходах и ускорили принятие изменений, нацеленных на «комплексную систему ТКО» и ужесточение контроля.

Российское экологическое законотворчество частично демонстрирует эффект «символической легитимности»: компенсирует дефицит институциональных изменений ростом численных показателей, формируя иллюзию реагирования (Edelman, 1964; Schedler, 2002). Это не только снижает общественное давление на парламент, но и создает долгосрочный тренд стабилизации политической системы.

Заключение

В контексте российских реалий экологическое законотворчество является не просто областью реагирования на общественные и медийные запросы, но индикатором состояния всей политической системы – ее способности к адаптации, инерции и стратегическому управлению ожиданиями. Дальнейшие исследования должны учитывать не только количественные параметры законодательной активности, но и глубокую социополитическую структуру, компетенции и границы реальных изменений.

Комплексное рассмотрение экологического законотворчества в России в 2000–2023 гг. показывает количественный рост инициатив в ответ на общественное давление. Парламент может функционировать в режиме «символического отклика», где законы становятся элементом публичного управления ожиданиями. На основе количественного анализа сделан вывод о том, что российский парламент склонен реагировать на «моменты волнения» – протесты, катастрофы, медиаволны (Yakovlev, 2019). Рост числа экокзаконопроектов – индикатор стратегий легитимизации и публичного PR.

Важное ограничение работы – ретроспективность. Методы кодирования повышают надежность интерпретаций, однако сохраняются риски субъективного восприятия и недостаточного учета регионального разнообразия. Кроме того, следует принимать во внимание влияние медийных волн на объем получаемой информации и возможность недоучета местных инициатив.

Исследование также ограничено выборкой инициатив, в которой возможны искажения из-за политической конъюнктуры и трудностей типологизации инициатив (разграничение PR и проблемно-ориентированных законодательных актов). В связи с этим представляется перспективным расширение применяемых методов (нарративный анализ, кросс-страновые компаративные кейсы).

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/> в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

Список литературы / References

- Михеев, А. К. (2025) «Законодательные ко-алиции при доминировании одной партии: стратегии взаимодействия «Единой России» с парламентской оппозицией в сфере экологии (IV-VII созывы)», Вестник Пермского университета. Политология, 19(4), сс. 96–106. DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-96-106 [Mikheev, A. K. (2025) 'Legislative coalitions under the dominance of one party: strategies of interaction between United Russia and the parliamentary opposition in the sphere of ecology (IV-VII convocations)' [Za-konodatel'nye koalicii pri dominirovanii odnoj partii: strategii vzaimodejstviya «Edinoj Rossii» s parlamentskoj op-poziciej v sfere ekologii (IV-VII so-zyvy)], Bulletin of Perm University. Political Science, 19(4), pp. 96–106. (In Russ.)].
- Трубина, Е. Г. (2020) «Медийный контроль и гражданские протесты в России», Социологическое обозрение, 19(1), сс. 7–32. [Trubina, E. G. (2020) 'Media control and civil protests in Russia' [Medijnyj kontrol' i grazhdanskie protesty v Rossii] Russian Sociological Review, 19(1), pp. 7–32. (In Russ.)].
- Турцева, К. П. (2025) «Символическое vs. проблемно-ориентированное законодательство в экологической сфере: институциональные последствия конфликта восприятия (на примере инициатив субъектов РФ)», Вестник Пермского университета. Политология, 19(4),

- cc. 51–66. DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-51-66 [Turtseva Ch. (2025) ‘Symbolic vs. is-sue-related legislation in environmental sphere: institutional consequences of the perception conflict (on the example of Russian regions)’ [Simvolicheskoe vs. problemno-orientirovannoe zakonodatel'stvo v ekologicheskoy sfere: institucional'nye posledstviya konflikta vospriyatiya (na primere iniciativ sub"ektov RF)], Bulletin of Perm University. Political Science, 19(4), pp. 51–66. (In Russ.)].
- Boydston, A. E. (2013) *Making the news: politics, the media, and agenda setting*. Chicago: University of Chicago Press. 280 p.
- Edelman, M. (1964) *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois Press. 201 p.
- Edelman, M. (1985) *Political language: words that succeed and policies that fail*. Orlando: Academic Press. 174 p.
- Golosov, G. (2013) ‘The Russian party system and the problem of representation’, *Journal of Eurasian Studies*, 4(1), pp. 1–13.
- Kingdon, J. W. (1995) *Agendas, alternatives, and public policies*. 2nd edn. New York: HarperCollins. 240 p.
- Lukin, A. (2021) ‘The Russian state and environmental governance: from control to co-optation?’, *Post-Soviet Affairs*, 37(3), pp. 209–228.
- McCombs, M., Shaw, D. L. (1972) ‘The agenda-setting function of mass media’, *Public Opinion Quarterly*, 36(2), pp. 176–187.
- Pralle, S. B. (2009) ‘Agenda-setting and climate change’, *Environmental Politics*, 18(5), pp. 781–799.
- Remington, T. F. (2008) ‘Patronage and the party of power: president-parliament relations under Vladimir Putin’, *Europe-Asia Studies*, 60(6), pp. 959–987.
- Schedler, A. (2002) ‘The menu of manipulation’, *Journal of Democracy*, 13(2), pp. 36–50.
- Yakovlev, A. (2019) ‘Environmental protest in Russia: local specifics and broader implications’, *Russian Analytical Digest*, (237), pp. 2–5.

Статья поступила в редакцию: 20.10.2025

Статья принята к печати: 30.11.2025

PUBLIC DISCUSSION AND ENVIRONMENTAL LAWMAKING IN RUSSIA: MECHANISMS OF SYMBOLIC RESPONSE (2000–2023)

V. Loginov

Vyacheslav Loginov, PhD student, Junior Research Fellow, Department of Political Sciences, Perm State University, Perm, Russia.

E-mail: va.loginov1@gmail.com (ORCID).

Abstract

This paper presents a quantitative analysis of the factors influencing legislative activity in the field of environmental policy in Russia from 2000 to 2023. The dataset includes the number of news articles on ecological events, legislative initiatives, and the actions of various legislative actors (members of parliament, government, and the president). Regression analysis was employed to identify the key relationships between the volume of environmental news coverage and the total number of submitted and considered environmental bills. The findings demonstrate that informational intensity is the primary driver of legislative initiatives: an increase in environmental news coverage is statistically significantly associated with a rise in the number of environmental bills. Additionally, a robust temporal trend was observed, reflecting a steady growth in legislative activity over the study period amid the development of both the media landscape and the lawmaking process. These results highlight the importance of public attention and media support in shaping the environmental agenda within legislative processes, and provide a foundation for further research into the mechanisms through which mass media influences legislative dynamics in ecological policy.

Keywords: symbolic legislation; issue-related legislation; environmental legislation; parliamentarism; environmental policy.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, at Perm State University.